

Едва только об этом стало известно, как предприимчивые купцы уже увидели в этом золотую жилу. Один из них мечтал: если бы удачно переработать эту траву в благовония и продавать знатью и богачам — разве не хлынули бы рекой золото и серебро? Жаль только, что сырья слишком мало.

И тогда он отыскал морского торговца, привезшего «траву опьянения бессмертных», и предложил ему «великий замысел»:

— Эй-эй, я предоставлю мастерство, а ты отправишься за море за семенами. Вместе мы непременно разбогатеет!

В ту пору они ещё не знали, что это вещество вызывает неодолимое пристрастие, разъедающее кости и душу. А может, и знали — но лишь обрадовались: ведь тогда клиенты станут приходить сами, снова и снова... Более того, можно будет даже подчинять себе чужие умы...

Лицо Мин Чжэня мгновенно потемнело. Одного слова «пристрастие» было достаточно, чтобы понять, какое разрушение эта трава наносит телу и духу человека. А если добавить к этому возможность манипулировать сознанием — последствия окажутся поистине катастрофическими, если допустить её распространение.

Он скользнул взглядом по лицу стоявшего рядом человека: брови нахмурены, черты лица напряжены. Теперь понятно, почему А Чжао воспринял это как угрозу. Но откуда он вообще узнал об этом? Этот вопрос оставался загадкой.

Между тем высокопоставленные чиновники, слушавшие Небесный Экран, поежились: «Подчинять умы... Неужели нас считают такими простаками?»

В тёплых покоях треснул уголёк в жаровне. Ли Чжао усмехнулся — с горькой иронией:

— За море за семенами?..

Его пальцы постукивали по раме окна — медленно, холодно, тяжело:

— Как только эта зараза пустит корни, её уже не вырвать. И тогда пострадают не одни лишь вельможи — нищие, ремесленники, учёные, крестьяне... Кто хоть раз прикоснётся к ней, обречён на разорение и гибель.

В отчаянии люди начнут продавать детей и жен, закладывая дома — ради одной лишь затяжки мнимого блаженства. Даже те, кому повезёт умереть в бедной деревянной колоде, будут считаться счастливыми. Большинство же останется гнить в степях, и даже их истлевшие кости будут источать ядовитый дух этой заразы.

Он поднял глаза на Мин Чжэня и тихо, почти беззвучно произнёс:

— Я... видел мир, разъеденный этой гнилью. Люди переставали быть людьми, семьи —

семьями, государство — государством.

— Солдаты теряли боеспособность, народ — имущество. Серебро и золото текли рекой за море, а взамен приходили корабли, набитые ядом, высасывающим жизненную силу. Это не «трава бессмертных» — это адская лиана, выползшая из преисподней. Кто однажды попадёт в её объятия, тому не избежать вечной гибели.

За окном усилился снегопад. Ветер завыл под карнизами, будто тысячи душ воинов откликались на его слова, полные ужаса.

«Видел?..» — подумал Мин Чжэнь. Когда? В день их первой встречи А Чжао впервые покинул дворец, и в его глазах ещё светилось невинное любопытство, не испорченное жестокостью мира. С тех пор они почти не расставались. Откуда же этот человек, которого он берёт как самое дорогое, мог увидеть столь страшную картину? Во сне? В древних летописях? Или... благодаря чему-то, что лежит за пределами его понимания?

Но, едва слова готовы были сорваться с губ, взгляд А Чжао — полный ледяной ярости — заставил их раствориться в тишине. Вместо вопроса Мин Чжэнь лишь мягко коснулся пальцами его нахмуренного лба и спокойно сказал:

— Раз это пришло из-за моря, нужно ужесточить контроль над морскими путями и полностью запретить подобные перевозки. Повелю прибрежным префектурам усилить патрулирование. Все суда, входящие в порты, должны проходить многоступенчатую проверку грузов. Любые подозрительные предметы — немедленно сжигать. Границы Великой империи Дашэн не должны быть осквернены такой нечистью.

Он помолчал, глядя сквозь метель за окном, будто уже видел далёкие земли, где растёт эта проклятая трава, и добавил с ледяной решимостью:

— Если же угроза всё же не исчезнет... то когда наши морские силы станут достаточно мощными и границы утвердятся, все земли, где эта зараза распространяется, станут целью наших войск. Мы включим эти территории в карты империи и уничтожим их до основания — сожжём всходы, вырежем корни. Полное истребление этого цветка — задача выполняемая.

Ли Чжао уловил в его словах утешение. Гнев в груди немного утих. Хотя метод «захватить и уничтожить» и казался жестоким, в нём была своя логика. Правда, сейчас между империей и теми землями ещё лежат опасные регионы, занятые мятежниками Юйнаня... Но в будущем — возможно.

***

Вначале в империи Дашэн существовало две основные морские линии: одна — недавно открытая, ведущая на Новый Континент на востоке, другая — в страны Юго-Восточной Азии. Именно оттуда, из маленького государства, и пришла «трава опьянения бессмертных».

Получив семена, злоумышленники столкнулись с проблемой: где их выращивать? Как раз в это время Священный Предок начал проводить новую земельную реформу. Вложенные средства нельзя было потерять!

Тогда они придумали коварный план: раз правительство продвигает новые сельскохозяйственные культуры, почему бы не представить свои семена как «новый сорт зерна»? Особенно в отдалённых пограничных районах, где власть правительства слаба. В итоге выбор пал на уезд Уйинь на юго-востоке.

Кто-то может спросить: а что, когда вместо зерна вырастут цветы? Разве не раскроется обман? Но обратите внимание: изначально они говорили не о «зерне», а просто о «благородном сорте».

В глухих местах новости не распространялись быстро. Кто там знал, как выглядят настоящие семена? Достаточно было сказать крестьянам, что это культура, которую правительство велело сажать, и что после цветения её можно продавать за хорошие деньги. Главное — заручиться поддержкой местного чиновника. А если правительство и пришлёт инспектора — всегда можно подменить образцы, как подменяют младенца кошкой.

Они даже убедили жителей: «Превратите цветы в благовония — мы будем скупать их по высокой цене! Мы посланы правительством, чтобы сделать вас богаче!»

Так целые деревни, прежде честно занимавшиеся землёй, превратились в центры их наживы. Они даже разделили благовония на сорта: для знатью — особые, для простолюдинов — попроще.

— Подлецы! Черви, точащие государство! — Ли Чжао ударил кулаком по столу, отчего чайные чашки зазвенели. Его грудь тяжело вздымалась. — Продвижение новых зерновых — дело святое, на благо народа... А они... они превратили его в ловушку!

— А Чжао, не вини себя, — Мин Чжэнь положил руку ему на плечо. Голос оставался спокойным, но в глазах стыл лёд, холоднее зимнего ветра: — Сверху указ — снизу уловка. Так было всегда. Особенно в отдалённых краях, где власть правительства слаба. Если чиновники коррумпированы, любая мудрая политика превращается в пустую бумагу.

Он сжал пальцы:

— Коррупционеров не переведёшь. Но теперь мы знаем уязвимость системы — и главное, что пока ничего не случилось.

Ли Чжао обернулся и сжал его руку:

— Я знаю... Просто злюсь. Они ведь не понимают, какого монстра выпустили на свет.

Его взгляд вернулся к Небесному Экрану, где уже проступала картина уезда Уйинь, охваченного болезненной «роскошью». Горло сжалось:

— В будущем это место станет кровавой ямой. Что станет с теми людьми?

— Сначала они были обмануты, введены в заблуждение... Но это — моя черта. Ни шагу назад. Тот я на Экране не станет милосердствовать. Под его грозными мерами... что будет с теми, кто уже пал?

Мин Чжэнь наклонился ближе:

— Значит, любой ценой не дать переступить эту черту. Гром и молнии нужны, чтобы сжечь опухоль, а не убить собственный народ. Разделение, наказание, просвещение, запрет... Всегда найдётся путь.

***

Их план сработал. Всего за три года они сколотили состояние на «траве опьянения бессмертных». Этот отдалённый край стал невероятно богатым — по уровню жизни он уже сравнялся с крупным городом. Насколько богатым?

Когда большинство крестьян по всей стране едва сводили концы с концами, здесь почти в каждом доме раз в несколько дней варили мясо.

Глиняные хижины сменились домами из обожжённого кирпича и черепицы. На улицах появились чайные и трактиры. Даже простые торговцы и носильщики носили аккуратную одежду из тонкой ткани, а дети играли с сахарными фигурками, которые обычно водились только в городах. С первого взгляда — идиллия, процветающий рай. Но это был ужасающе искажённый, болезненный рай.

Слова Небесного Экрана, словно камень, брошенный в тихое озеро, породили круги далеко за пределами тёплых покоев. За тысячи ли отсюда, в деревнях, где дымились печные трубы, эти слова вызвали тихое волнение — смесь недоверия, зависти и тревоги.

Крестьянин, убирающий орудия труда, выпрямился, вытер грубую ладонь о поношенный ватник и, глядя на картину «мяса раз в несколько дней», пробормотал:

— У нас в год разве что на праздник купим два ляна сала для жира... А тут — чуть ли не каждую неделю мясо! Неужто эта «травка» и правда божественная? Может... и нам посадить?

Женщина, возвращавшаяся с бельём в тяжёлом деревянном корыте, неуверенно сказала:

— Те, кто распространял эту травку... может, и вправду хорошие люди? Ведь они помогли бедным зажить лучше...

Старик на грядке, затягиваясь самокруткой, нахмурился:

— Нет, не так. Вы разве не слышали, с каким осуждением говорила Небесная Дева?

— Она сказала, что это плохо, — вставил подросток, недавно слушавший учителя в деревенской школе. — Это вызывает пристрастие и губит людей.

Крестьянин сглотнул, не скрывая зависти:

— Но ведь это мясо... черепичные дома... тонкая ткань... Бедность — это слишком тяжело.

После долгого молчания старик выпустил клуб дыма, который тут же рассеялся на ветру:

— После Священного Предка новые зерновые позволят нам наесться досыта. А сытый человек — здоров, силен и имеет надежду. Этого достаточно. Не надо мечтать о чужом.

В тот же миг, за стенами дворца, в недрах власти шли куда более сложные и скрытые расчёты.

В канцелярии Министерства финансов чиновники, слушая Небесный Экран, бессознательно прикидывали в уме: мясо раз в несколько дней, черепичные дома повсюду... Какая прибыль! Подати, торговые пошлины, доходы с морской торговли... Грубый подсчёт давал цифру, от которой захватывало дух — и рождало жадность.

Но, взглянув на коллег и увидев в их глазах ту же тревогу и колебание, они молча обменялись взглядами: такое несметное богатство, вероятно, уже подвешено на лезвии императорского меча. Лучше не рисковать головой.

Ведь каждый случай, о котором так подробно говорит Небесный Экран и который вызывает гнев будущего Священного Предка, неизменно заканчивается горами трупов и катящимися головами. Только неизвестно, в какой форме на этот раз обрушится кара.

Наиболее сообразительные уже начали вспоминать: не было ли в юго-восточных провинциях или вообще в империи слухов о «новых благовониях» или «редких заморских цветах»? Надо бы поскорее отмежеваться... а может, даже отличиться.

***

Чтобы не привлекать внимания, они тщательно избегали продавать свою продукцию в столицу. Кроме того, под влиянием местных чиновников жители стали крайне враждебны к чужакам.

Им внушали: «Этот цветок растёт только у нас — дар предков и благословение фэншуй. Если чужаки узнают — уйдёт удача, и все снова вернутся к отрубям и воде».

Те, кто всё же решался уйти, редко удавалось уйти далеко: то «несчастный случай» — упал в воду, то «внезапная болезнь» — умер в степи. Весь привозной продовольственный товар закупал один доверенный человек. Община превратилась в замкнутый мир.

Можно сказать, они достигли «общего процветания». Только это процветание строилось на крови и страданиях других.

В тёплых покаях уголь в жаровне с хрустом лопнул, выбросив искры.

Ли Чжао смотрел на Небесный Экран, губы сжаты в тонкую линию, в глазах — ярость и лёд:

— Вот оно, «общее процветание»... Паутина из ядовитой травы, стена из лжи, верность, скованная страхом. Целый край превратили в тюрьму, а людей — в палачей самих себя, чтобы потом медленно высосать из них всю жизненную силу.

Мин Чжэнь переплёл свои пальцы с его пальцами, ладонь к ладони — безмолвное утешение:

— Похоже, юго-восточным таможням предстоит непростое время...

— Да, — кивнул Ли Чжао. — Жадность ослепляет. Прибыль слишком велика — кто-нибудь обязательно рискнёт. Сразу после окончания показа Небесного Экрана я доложу отцу-императору: юго-восточные таможи и морские управления необходимо немедленно очистить, усилить личным составом и проверять каждый корабль, особенно грузы с благовониями, лекарствами и семенами заморских растений.

— Также нужно усилить контроль на всех сухопутных и речных заставах, ведущих на юго-восток. И через официальные объявления разъяснить народу — особенно в прибрежных и отдалённых районах — опасность любых «заморских высокоурожайных культур» или «специально направленных правительством сортов». При малейшем подозрении — немедленно сообщать властям.

***

Как же всё-таки раскрылось это преступление?

Всё началось с того, что прежний чиновник показал столь выдающиеся результаты, что его перевели на повышение. На его место назначили нового — по фамилии Линь, имя Юань.

Едва он прибыл, как его окружили «сахарные пули»: морские торговцы и тайные хозяева дела, как обычно, начали подкуп — золото, драгоценности, антиквариат, картины, даже предложили долю в прибыли от местного «экспорта».

Но они и представить не могли, что сам Линь Юань был тайно направлен именно для расследования.

Первая брешь появилась в налоговой отчётности.

В империи Дашэн налоги обычно собирали зерном и монетами, и простой народ предпочитал платить зерном. Поэтому в отчётах префектур преобладали данные о зерновых поступлениях, монеты — второстепенны.

Но этот всегда бедный, глухой пограничный уезд год за годом присылал почти исключительно монеты — суммы, явно превышающие всё возможное для такого региона.

Финансовые чиновники заподозрили неладное: не скрывает ли кто-то запасы зерна, не вступает ли в сговор с врагами? Дело доложили императору как серьёзную угрозу.

Как раз в это время срок службы прежнего чиновника истёк. Священный Предок, внешне похвалив его за «успехи» и повысив в должности, тайно отправил Линь Юаня — известного своей честностью и прямоотой — под видом обычного назначенца.

Будучи столичным чиновником, Линь Юань обладал острым умом и проницательностью. Чем ближе он подбирался к уезду Уйинь, тем сильнее чувствовал неладное.

По дороге ему всё чаще попадались люди с пустыми глазами, впавшие в маразм: то дрожащие в развалинах храмов, то бегающие по улицам в поисках чего-то. Из их бессвязного бормотания он уловил слова: «благоухание опьянения бессмертных», «парю, как бессмертный»...

Он тайно расследовал, даже рискнул проникнуть в строго охраняемую долину, где своими глазами увидел бескрайние поля ядовито-красивых цветов и крестьян у грядок — измождённых, но всё ещё одержимо ухаживающих за растениями. Всё указывало на Уйинь.

Тогда он решил сыграть роль: принял взятки, стал «брататься» с торговцами, а сам тайно отправлял всё, что узнал, вместе с вещественными доказательствами.

Когда перед троном легли мази и порошки из «травы опьянения», десятки окровавленных показаний, несколько измученных пленников и доклад Линь Юаня, написанный буквально кровавыми слезами, — Священный Предок пришёл в неописуемую ярость.

Ли Чжао тихо усмехнулся — без тени тепла в глазах:

— Вот оно, «выдающееся управление»... Если бы не бдительность Министерства финансов, эта гнилая земля сколько ещё пряталась бы, отравляя поколения?

— Замена зерна монетами, хоть и хитрая, стала их главной ошибкой, — заметил Мин Чжэнь, глядя на измождённых крестьян на экране. — Жадность ослепила их: они думали только о наживе и забыли элементарную осторожность.

— Не забыли, — резко возразил Ли Чжао, — а просто слишком уверовали в успех. Решили, что далеко от двора, всё улажено — и можно делать что угодно.

<http://bllate.org/book/17167/1607627>